

ИСТОРИЯ

Е. С. Бутрин

Кандидат исторических наук, главный археограф
Государственного архива Ивановской области



История этнологической станции Иваново-Вознесенского губерн- ского общества краеведения (1924-1926 гг.)

В статье рассматривается история этнологической станции Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения (1924-1926 гг.). Ее появление стало следствием ряда факторов – всплеска краеведческого энтузиазма в среде новой советской интеллигенции, финансовой поддержки властей, а также влияния костромской этнологической школы В.И. Смирнова. Однако отсутствие определенного направления исследований и резкое сокращение финансирования стало препятствием к дальнейшему развитию этнографии в Иваново-Вознесенской губернии.

Ключевые слова: краеведение, этнография, интеллигенция, Иваново-Вознесенск, Кострома, В.И. Смирнов, С.Е. Елховский.

Учредительное собрание Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения состоялось 31 января 1924 г. и на нем были приняты планы работ первых трех секций: естественноисторической, экономической и историко-археологической. Историко-археологическую секцию возглавил профессор Иваново-Вознесенского политехнического института Б.В. Александров. Причем если на учредительном собрании этой секции (11 февраля 1924 г.) приняли участие всего 15 чел., то к исходу года (29 ноября) число ее членовросло до 48 чел. При этом в активной работе принимало участие 15-20 чел., тогда как остальные (в большинстве – школьные работники) были предельно загружены работой по профессии. Главными задачами секции на первом заседании было обозначено составление археологической и архивной карт, а также создание краевой библиографии. Соответственно, деятельность секции делилась на три направления: выявление и охрана археологических и архивных материалов, исследовательская работа по разным вопросам краевой истории и популяризация краеведческого материала [6, с. 11–14]. Уже в течение первого

года наиболее активные члены секции подготовили 15 докладов по различным аспектам истории края – как для заседаний самой секции, так и общих собраний краеведческого общества, а также губернской краеведческой конференции. Однако коллективные формы работы никак не складывались – каждый из краеведов занимался собственной темой, которая мало пересекалась с работами других участников секции.

До некоторой степени «объединяющими» являлись сообщения о работах I Всесоюзного краеведческого съезда в Абхазии (сентябрь 1924 г.), а также обсуждение инструкций и анкет. Две подобных анкеты – по сборанию историко-археологических сведений и сведений о быте населения – вошли в печатное руководство Общества к сборанию материалов по изучению губернии [8, с. 21–24]. Оно было издано в мае 1924 г., а автором анкеты по сборанию бытовых сведений стал Б.В. Александров. Стремление учесть все возможные направления этнографической работы и необходимость быстрой подготовки программы привела к тому, что она оказалась намного короче историко-археологической, а

также была почти не структурирована. Прежде всего, автор предлагал описывать постройки, домашних животных, культурные растения, орудия труда, пищу, одежду – словом, все предметы быта вплоть до детских игрушек. При этом каждая вещь должна была снабжаться фотографией, чертежом, рисунком, либо даже натуральной моделью с обязательным указанием места происхождения, назначения и владельца. Далее описывалось собирание сведений о «суеверных, лечебных, свадебных» и прочих обычаях, играх и гаданиях, а также средствах народной медицины. Сюда же автор относил народные представления «о небесных явлениях, природе и жизни», особенности религиозных воззрений и даже «этические понятия». Следующий блок посвящался новым явлениям в народной жизни (включая такие неприглядные «язвы», как алкоголизм и нищенство). Далее автор переходил к собиранию фольклора (от сказок и «побасенок» до загадок и причитаний), с обязательным указанием времени и места записи, ее автора и исполнителя. Наконец, завершалась анкета Александра руководством по фиксации языковых явлений (с указанием наиболее распространенных особенностей). Сюда же профессор отнес и сбор характерных местных слов и выражений (от названий построек до прозвищ и фамилий). Таким образом, это руководство было лишь первым приступом к организации краеведческой работы на местах.

При всем упоре на индивидуальную работу активистов, заседания историко-археологической секции в 1924 г. все же стали площадкой для выработки форм организации коллективной краеведческой работы. На собрании 15 октября 1924 г. прозвучал доклад А.Н. Овсянникова об организации работ по составлению биографического словаря местных деятелей. На заседании 20 ноября обсуждались доклады А.Ф. Данилова о составлении словаря революционных деятелей и А.М. Кузнецова – об организации краеведческих отделов при Губернском музее, на заседании 27 ноября – доклад Н.А. Королева об организации библиографической работы. Последний доклад послужил толчком к созданию отдельной библиографической секции общества (в ее состав немедленно записалось 13 чел.). В этом ряду оказался и доклад М.П. Сокольниковой об организации этнологических работ. Он прозвучал на заседании 30 октября 1924 г. Михаил Порфирьевич Сокольников (1898-1979) –

будущая звезда советского искусствоведения и журналистики, художественный редактор издательства «Academia». На тот момент он – молодой литератор, занимавшийся преимущественно изучением творчества местных писателей (в 1925 г. выйдет его очерк «Литература Иваново-Вознесенского края») [9]. Чем же было обусловлено столь резкое изменение интересов? Дело в том, что на I Иваново-Вознесенской губернской краеведческой конференции, 6 октября 1924 г., прозвучал доклад известного костромского краеведа В.И. Смирнова (1882-1941) «К вопросу об изучении этнологии края», дополненный выступлением М.С. Камнева об особенностях шуйского народного говора. Резолюция по докладу Смирнова гласила: «Необходимо поставить в число первоочередных задач общества организацию изучения человека путем открытия обществом этнологической станции» [11, с. 301, 304]. Сам Сокольников выступал на этой конференции два дня спустя, но предложение Смирнова явно запало ему в душу.

В результате на заседании историко-археологической секции 30 октября 1924 г. он разворачивает целую программу организации этнологических работ. В качестве главных причин необходимости подобного рода исследований автор указывал на отсутствие этнографических работ по губернии (тогда как в соседних они развивались достаточно активно). Кроме того, отмечалась важность подобных исследований в настоящее время, «когда основы быта русского населения потрясены революционным вихрем». В авангарде этнографической работы могли встать «учащие и учащиеся» на местах. Они должны были вести сбор и обработку артефактов, тогда как губернские работники летом выезжали бы в уезды «на экскурсии» для руководящих указаний. Подчеркивалось необходимость изучения не только деревенского, но и фабричного быта населения. На этом собрании была сформирована этнологическая группа, в которую записалось 4 чел. [1, л. 8 об.]. Первое заседание этой группы состоялось 2 ноября 1924 г. в составе А.М. Кузнецова, А.И. Орлова, Г.П. Чернышева, И.Н. Нефедова и М.П. Сокольниковой. Оно постановило «присутствующих лиц с добавлением к ним К.И. Смирнова считать временным бюро этнологической группы» [2, л. 3–4]. Было решено немедленно начать сбор библиографического материала и разработку программы по собиранию этнографических

сведений. Была санкционирована также организация фольклорных работ при школе 2-й ступени и школе фабрично-заводского ученичества при типографии «Красный октябрь». Руководителями этих работ стали тамошние педагоги – А.И. Орлов и Г.П. Чернышев. Для собранного материала было решено использовать помещение в Губернском музее, работником которого являлся один из членов секции – А.М. Кузнецов. С вопросом о создании этнологической станции иваново-вознесенцы обратились в Академию истории материальной культуры. Ее сотрудник, известный этнограф Д.А. Золотарев (1885-1935), организатор Верхневолжской этнографической экспедиции, рекомендовал адресоваться в Кострому, где местная станция работала весьма успешно [2, л. 9–9 об.].

4 ноября 1924 г. М.П. Сокольников и А.М. Кузнецов отправились в недельную командировку в Кострому (признанный центр краеведения Поволжья). Там они ознакомились с «постановкой изучения этнографии местного края». Были получены не только печатные программы и литература, но и «ценнейшие практические указания» В.И. Смирнова – одного из ведущих этнографов страны. Местная этнологическая станция за два года работы уже добыла значительный материал от местных корреспондентов (включая школьников). В результате уже на совещании секции 20 ноября 1924 г. Сокольников предложил на основе сформированного ядра энтузиастов организовать в Иваново-Вознесенске «этнологическую станцию». Профессиональных этнографов в городе не имелось. Тем не менее, инициативной группой была составлена этнографическая анкета «общего характера», которую планировалось разослать не позднее 10 декабря, чтобы занять школу работами на зимние каникулы. Эта анкета предусматривала «обследование всех населенных мест губернии со стороны исторической, общественно-бытовой и этнологической». Впрочем, она отпечатана в количестве 10000 экз. и разослана на места лишь в марте 1925 г. Семеро местных художников решили помочь этнографической работе зарисовками «средств передвижения на базарах и гуляниях», была установлена связь с шуйским фольклористом В.А. Водарским. На первое время этнографам требовалось 100-120 руб. на приобретение канцелярских принадлежностей и фотоаппарата. Виды работы представлялись пока неяс-

но – описывать и коллекционировать предполагалось все, от способов приготовления пищи до музыкальных произведений. В итоге было решено обратиться в уездные отделения с призывом об организации на местах этнографической работы и присылке материала в Иваново-Вознесенск [1, л. 10–11]. В этом обращении М.П. Сокольников перечисляя направления этнографической работы, заключал, что «без помощи и поддержки со стороны работников на местах разработку этнографического материала вести невозможно». Он просил чрез школы учителей и отдельных краеведов собирать материал, организовывать экскурсии и составлять этнологические группы, обещая помочь «советом и научной обработкой» материалов, а также необходимой литературой. «Объезд» местных отделений планировался в январе и феврале 1925 г. [2, л. 7–7 об.].

Бюро этнологической станции было избрано на ее заседании 2 декабря 1924 г. С этого дня были установлены еженедельные заседания станции по вторникам (все они проходили в помещении Губернского музея). Возглавлял станцию М.П. Сокольников, заместителем его стал художник А.М. Кузнецов (1895-1963), секретарем – педагог А.И. Орлов, будущий известный филолог, а библиотекарем – студент С.Е. Елховский (1899-1985), впоследствии – знаменитый переславский фольклорист. Главе бюро было получено вести работу по словарю писателей местного края, которая к этнографии имела весьма опосредованное отношение. А.И. Орлов должен был заняться собиранием сведений по местному говору, С.Е. Елховский и Г.П. Чернышев – по фольклору, а В.Ф. Захаров и А.М. Кузнецов работали «по зарисовке, набойке и фотографированию». Также в числе ближайших задач было поставлено обследование фабричного быта Иваново-Вознесенска. Для этого планировалось использовать анкету по рабочему бюджету, составленную Губстатбюро. В нее были включены вопросы по быту (казарменный или артельный), убранству дома, фольклору (песни, частушки), кругу чтения, профессиональным выражениям, семейному быту и пищевым привычкам. Вопросы были разработаны А.И. Орловым. Анкета оказалась весьма детальной, включая кроме перечисленных, и такие пункты как «вера в клады и поверья (переход дороги, встреча с попом)». Важным автору представлялось также отно-

шение к религии: «есть ли в доме образа, нет ли среди них старинных, ходит ли семья в церковь, «поднимают» ли иконы, кто в семье наиболее тяготеет к религии». При записи частушек рекомендовалось «не стесняться цензурностью» [2, л. 10–13].

Официально создание этнологической станции было санкционировано на собрании историко-археологической секции 23 декабря 1924 г. по итогам очередного доклада М.П. Сокольников. К этому времени этнографы уже оживленно занимались «фотографированием, зарисовками и сбором сведений», успели «завязать отношения» с уездными работниками в Кинешме, еженедельно проводили заседания с чтением докладов (всего до конца года состоялось 8 заседаний). Для фотографирования был приобретен аппарат «Кодак» 9 на 12 см. Была выработана также анкета по собиранию сведений о народном говоре края [1, л. 15–15 об.]. Впрочем, состав этнографической группы был невелик и ни одной «платной единицы» ей не полагалось. Всего было избрано четыре основных направления деятельности: собирание фольклора; зарисовки и фотографирование объектов (средств передвижения, профессиональной утвари, типов населения, видов местечек); группировка материала по местному говору; и наконец, исследования быта («в отношении общественном, семейном, религиозном, домашнем»). Последнее поле деятельности представляется самым широким и неопределенным. Фотографическая экскурсия на иваново-вознесенский базар дала 11 снимков, а В.Ф. Захаров вел собственные зарисовки средств передвижения и домашней утвари. Песни и частушки Иваново-Вознесенска собирали С.Е. Елховский и Г.П. Чернышев, материал по «профессиональному говору» – А.И. Орлов и Г.П. Чернышев, А.М. Кузнецов составил альбом рисунков с набойных досок (манер) в Губернском музее. Был разработан план организации кустарно-этнографического отдела при Губмузее, организована этнографическая библиотека (свыше 200 томов), для летней работы планировалось привлекать практикантов из Ленинградского университета. Но главной задачей являлось установление связей с уездными отделениями – путем не только рассылки программ, но и выезда с докладами на места [6, с. 15–17].

Широкая программа этнографических исследований была представлена М.П. Сокольниковым на II Губернской краеведческой

конференции 25 января 1925 г. В своем докладе он останавливался на определении понятия «этнография» и политической важности подобных работ в переходную эпоху. Далее автор рассматривал историю владимирской и костромской этнографии, обобщая накопленный материал. Затем Сокольников разбирал принципы и методы этнографической работы (экскурсионный и «аборигенный»). Особенно он отмечал необходимость точности записей и научной обработки материала. В числе способов исследования указывались самые разные – от описания до создания модели. Также неопределенным оставался и предмет исследования – от одежды и обуви до типов населения. В качестве добавлений к своей программе он получил указание на необходимость «изучения жизни творцов так называемых народных произведений» [6, с. 40–41]. Как видим, методология исследований ивановских этнографов постепенно разрабатывалась, а вот понимания, каким образом получится охватить столь внушительный материал, у них пока так и не возникло. Дело в том, что к 1925 г. этнологическая станция была самым немногочисленным отделением общества – в ней принимало участие всего 9 чел. Вплотную занимавшийся литературой М.П. Сокольников из состава этнографов выбыл, станцию возглавил А.И. Орлов, заместителем его стал С.Е. Елховский, а секретарем – Г.П. Чернышев.

Именно переславский краевед становится в этот период наиболее активным двигателем этнографических исследований в Иваново-Вознесенске. Он делает два доклада на заседаниях историко-археологической секции общества. Первый (12 февраля) посвящался наблюдению над песенным материалом Иваново-Вознесенска, второй (5 ноября) – чину крестьянской свадьбы в Юрьевецком уезде (описанному по анкетным данным). Кроме того, с 12 февраля 1925 г. Елховский исполнял должность второго секретаря историко-археологической секции. Кроме его сообщений, на одном из общих собраний общества (31 января) был заслушан доклад Г.П. Чернышева «Из материалов по частушкам рабочей молодежи Иваново-Вознесенска». Сама этнографическая секция в течение года провела 15 заседаний. Практические доклады на них были посвящены песням Иваново-Вознесенска в 1885-1900 гг. (А.М. Лавров), частушкам Макарьевского уезда (С.Е. Елховский) и свадебному обряду в с. Шекшове Юрьев-Польского

уезда (А.И. Орлов). Последняя работа стала итогом успешной летней экскурсии в Шекшово, для которой потребовалось наладить тесную связь с Юрьев-Польским отделением общества. Кроме того, были установлены отношения с Кохомским отделением, существовал и постоянный контакт с Костромской этнографической станцией. Члены группы прочитали несколько лекций по этнографии в Доме рабочего просвещения [5, с. 15–16]. Однако смета на 10 этнографических экспедиций (общей суммой в 500 руб.), поданная сотрудниками станции, удовлетворена не была [3, л. 12 об.–13]. Пришлось довольствоваться лишь экспедицией в Шекшово, совершенной при поддержке юрьев-польских товарищей.

Направление работ секции постепенно сужалось, большинство их касалось фольклорного материала: запись песен с нотировкой, составлении словаря местного говора и народного песенника «Коробейник» для издательства «Основа». Однако главной работой было составление программ по этнологическому изучению края. Они были представлены на III Губернском краеведческом съезде 2–3 мая 1925 г. Программу по собиранию диалектологического и словарного материала составил А.И. Орлов, над фольклорной программой потрудился С.Е. Елховский. Программа по изучению быта (семья и общество, народная медицина, знахарство) принадлежала перу М.П. Сокольниковой, а программа по народной материальной культуре – М.В. Стрижниковой. После горячего обсуждения программ на съезде, для их окончательного редактирования была избрана комиссия из представителей Иваново-Вознесенска, Переславля-Залесского и Костромы. Для выпуска в 1926 г. была намечена серия из 14 этнологических программ. Правда, ивановцам принадлежало лишь четыре из этих программ (упомянутые выше). Три программы разработал ведущий костромской краевед М.И. Смирнов («Куль в народном быту», «Куль и народное пьянство в деревне», «Хулиганство как социально-экономическое зло»), еще две – его брат В.И. Смирнов (по крестьянскому переделу и деревянным постройкам). Две принадлежали столичным ученым, а еще три – другим костромским краеведам (С.А. Еремин, А.В. Гуреев, Н.П. Беляева).

1925 год стал самым плодотворным в работе этнографической станции. С.Е. Елховский в первом своем докладе, посвященном

песенной культуре Иваново-Вознесенска, указывал на трудность собирания подобного материала и быстрое его исчезновение, что требовало «срочных музыкально-этнографических работ». В целом он делил все собранные им песни на четыре группы: русские песни, романсы, обрядовые и современные. В качестве особенностей исполнения ивановских песен он отмечал однообразие и упрощение их мотивов, а также низкий тон. Интересно, что в ходе доклада все виды песен были проиллюстрированы живым вокальным исполнением [1, л. 18 об.]. Более обстоятельным был доклад Елховского о чине крестьянской свадьбы в Юрьевецком уезде, вызвавший оживленную полемику. Он был составлен на материале обработанных анкет – докладчик особенно отмечал, что работа «не является исследованием, а лишь сводкой анкетных данных, к тому же далеко не исчерпывающей». Главной задачей работы было «показать, как много интересного и важного может дать этнографическое изучение края» даже на небольшом и неполном материале. Детально описав свадебный обряд (включая дословное цитирование некоторых песен и приговоров), Елховский сделал вывод, что сам обряд в Заволжье «очень упрощен по сравнению с соседними губерниями». По докладу высказались почти все ведущие члены историко-археологической секции. Занимавшийся Юрьевецким уездом XVII в. Н.И. Скворцов указал на необходимость «большого этнографического и исторического освещения материалов анкеты». А.Е. Ноздрин сомневался, что описанный обряд в настоящее время практикуется в уезде, население которого издавна жило отхожими промыслами. П.М. Экземплярский полагал, что докладчик поддался обаянию интересных отрывков, встречавшихся ему в анкетах, следствием чего стала не столько сводка материала, сколько самостоятельная реконструкция обряда (с привлечением данных по другим губерниям). Методологические недостатки отмечал и Б.В. Александров – он полагал недопустимым использование материалов, записанных через значительный промежуток лет в разных местах. Сам Елховский все свои методологические недочеты объяснял несовершенством источника. В целом, докладчик достиг цели – было решено отметить, что работа этнологической станции «дала уже значительные и важные данные, указывающие места в нашей губернии, куда следует направ-

вить наши исследовательские усилия» [1, л. 27 об.–28 об.].

На 1926 г. планы участников этнографической станции были еще внушительнее. Прежде всего, необходимо было закончить обработку анкет по Юрьевецкому и Кинешемскому уездам, составить словарь местного говора и ориентировочную диалектологическую карту. Далее планировалось продолжить изучение быта рабочих, народного ораторского искусства, а также предпринять в июле и августе экскурсии в Ивановскую волость и в Юрьев-Польский уезд, собрав диалектологический, фольклорный и бытовой материал. Наконец, венцом работ секции должно было стать издание этнографического сборника. Итоги этнографических исследований были подведены в докладе главы станции А.И. Орлова на IV Губернском краеведческом съезде 9 мая 1926 г. Он отмечал, что односторонность работ станции (диалектология и фольклор) обусловлена ее составом. Этнографическая экспедиция была организована лишь одна (в Шекшове), материал в основном собирался посредством анкет, изредка – с помощью частных корреспондентов и личных наблюдений. Однако этот материал был не слишком разнообразен – песни с нотировкой, частушки, обряды, легенды и пословицы. Сбор и описание материальных артефактов оказались полностью исключены из деятельности станции. Большим достижением был разный подход к разработке фольклорного материала – обобщение его в сводном докладе (А.М. Лавров), сопоставление текстов (С.Е. Елховский), первичная фонетическая запись (А.И. Орлов), исследовательский анализ (Г.П. Чернышев). Раскрывались и особенности работы по составлению диалектологического словаря – она велась путем выборок из словаря В.И. Даля при использовании анкетного материала. Часть материала по Кинешемскому уезду оказалась обработана и дала более десятка своеобразных диалектологических явлений [11, с. 15–16].

На первый взгляд, итоги были неплохими, но уже в сравнении с предыдущим годом заметно затухание деятельности секции. Целый ряд направлений в исследованиях оказался купирован, работа по сути, велась несколькими энтузиастами и только в тех направлениях, которые были интересны им самим. Тем не менее, планы участников были весьма внушительными. В начале апреля 1926 г. в

Правление общества краеведения была подана смета на краеведческие исследования в текущем и следующем году на 3020 руб. Правда, после редактирования она «усохла» в четыре раза – до 750 руб. Прежде всего, этнографам не была выделена штатная единица с оплатой 100 руб. в мес. Вместо 5 экспедиций по 14 дней были утверждены лишь 3 (по 7 дней) – по 5 чел. в каждой. Предполагались экспедиции в Ивановскую волость, Тейковский и Кинешемский уезд. Снижены были расходы на оплату зарисовок (с 300 до 120 руб.) и приобретение предметов быта (с 300 до 200 руб.), а фонограф (100 руб.) из сметы был и вовсе вычеркнут. Сокращена была также сумма на изготовление карточек и печатных анкет (с 300 до 200 руб.). Предполагалось выпустить карточки для словаря местного говора, карточки по фольклорному материалу, сводные таблицы по изучению говора и листовки по фольклору [3, л. 20, 31]. Но в конечном итоге, этнографическая станция получила на свое содержание из губернского бюджета всего 75 руб. [10, с. 27]. Недостаток финансирования, а также отъезд из Иваново-Вознесенска ряда ее ведущих сотрудников (прежде всего, главного энтузиаста-этнографа – С.Е. Елховского) – привел к постепенному угасанию работы станции. На заседании историко-археологической секции 21 октября 1926 г. рассматривался вопрос об этнологической станции. К этому времени ее состав сократился до 1-2 чел., так что «она, естественно, лишилась возможности продолжать свои работы». В связи с этим было необходимо выяснить «может ли она рассчитывать на пополнение состава в ближайшем будущем». В противном случае ее предлагалось считать ликвидированной, передав все материалы в ведение секции [1, л. 38].

«Лебединой песней» этнологической станции стал доклад А.И. Орлова, прочитанный на заседании историко-археологической секции 23 декабря 1926 г. Он посвящался обзору Ново-Вичугской волости Кинешемского уезда по анкетным данным, добытых группой студентов Вичугского педагогического техникума под руководством В.Н. Замятина (это обследование охватило 18 селений). В анкетах рассматривалось географическое положение селения, их демография, давалось наружное и внутренне описание строений, утвари, одежды и обуви (включая будничные и праздничные костюмы). Включала анкета также данные о

говоре, песнях, частушках, народной медицине, праздниках, обрядах и суевериях. Особое внимание уделялось приметам (разделяемым на хозяйственные и суеверные), пословицам и поговоркам. Обязательно собирались данные о церквях, часовнях и молельнях. Доклад был последней попыткой вызвать к жизни этнографическую станцию – представляя ее участникам секции интереснейший материал, собранный на месте, Орлов призывал их принять меры к «оживлению низовой этнографической работы». Его поддержали почти все участники заседания. – И.И. Власов высказывал «убеждение, что этнографическая станция еще не умерла» и призывал опираться в последующей работе на низовую ячейку Вичугского техникума. Б.А. Александров, рассматривая сделанные студентами рисунки, сожалел об отсутствии на них датировок и выражал определенные сомнения в точности воспроизведения. Он полагал, что ивановским этнографам необходимо посетить Вичугу для инструктирования студентов о порядке заполнения анкет, «которые неполны, особенно в части диалектологической». П.М. Экземплярский отмечал, что «уклад жизни вичужан привыкли считать промышленным», однако судя по докладу, он определяется преимущественно сельскохозяйственными условиями. Следовательно, необходимо расширение исследований и обязательно – выезд на место [1, л. 40–41]. Орлову рекомендовали связаться с другими низовыми группами и увеличить число членов станции. Но в отличие от двухлетней давности, никто в число ее членов не записался.

Больше вопрос об этнологической станции на заседаниях историко-археологической секции общества краеведения не поднимался. Станция окончательно умерла. Первый ее руководитель (М.П. Скольников) занимался исключительно литературными исследованиями: 28 февраля 1926 г. на общем собрании краеведов он сделал доклад «Иваново-Вознесенск в отображении местных писателей», на общем собрании 5 февраля 1927 г. – «Забытый поэт-крестьянин Вичужского района И.Д. Осокин», 11 февраля 1928 г. – «Литературные дебюты иваново-вознесенцев в 1927 году», 29 сентября 1928 г. – «Юрьев-польский писатель Т.П. Дмитриев». На этот профиль в итоге переключился и второй глава этнографической станции А.И. Орлов – на общем заседании 29 марта 1928 г. прозвучал его доклад об общей

характеристике творчества А.М. Горького [7, с. 10–11; 12, с. 7]. А когда на общем собрании губернского общества краеведения 29 ноября 1928 г. было решено отказаться от прежних громоздких секций, образовав научно-исследовательские комиссии, занимавшиеся более конкретными проблемами, никто не изъявил желания создать этнографическую комиссию. Оба ее руководителя – М.П. Скольников и А.И. Орлов – вошли в комиссию по составлению словаря местных деятелей и литераторов (председателем ее стал А.Е. Ноздрин) [4, л. 4].

Что же послужило причиной столь быстрого взлета и неожиданного падения этнологической станции Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения (просуществовавшей всего около двух лет)? Первые послереволюционные годы отмечены всплеском энтузиазма, в том числе в среде интеллигенции. Сравнительно богатый новый губернский центр с новыми же высшими учебными заведениями (Политехнический институт открылся в октябре 1918 г., а Педагогический – два месяца спустя) привлекал большое количество безработной интеллигенции и студенчества. Таким образом в городе оказались многие лица, которые будут в дальнейшем ковать славу не только «большой науки», но и краеведения. В числе их были и первые участники этнологической станции. Ее появление было неизбежным, поскольку совсем рядом располагалась Костромская станция, являвшаяся одним из лучших этнографических объединений страны. Однако энтузиазм первых месяцев существования станции постепенно улетучивался – не хватало финансирования, вследствие чего многие отрасли работы оказались просто забыты. По тем же причинам не удавалось наладить связь с местными отделениями, без которой работа станции была просто невозможна. Но главное – вся иваново-вознесенская этнография держалась исключительно на энтузиазме отдельных лиц. Их отъезд из города, или смена интересов фатально сказались на работе станции – в конце 1926 г. она была фактически прекращена.

Библиографический список:

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1151. Оп. 2. Д. 5.
2. ГАИО. Ф. Р-1151. Оп. 2. Д. 10.

3. ГАИО. Ф. Р-1151. Оп. 2. Д. 39.
4. ГАИО. Ф. Р-1151. Оп. 2. Д. 89.
5. Второй год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения Иваново-Вознесенск, 1926.
6. Первый год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения Иваново-Вознесенск, 1925.
7. Пятый год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения Иваново-Вознесенск, 1929.
8. Руководство к собиранию материалов по изучению Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924.
9. Сокольников М.П. Литература Иваново-Вознесенского края: введение в изучение местной литературы. Иваново-Вознесенск, 1925.
10. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения Иваново-Вознесенск, 1927.
11. Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 3. Иваново-Вознесенск, 1925.
12. Четвертая Иваново-Вознесенская губернская краеведческая конференция (7–9 мая 1926 г.) Программы и тезисы. Иваново-Вознесенск, 1926.
13. Четвертый год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения Иваново-Вознесенск, 1928.

©Бутрин Е. С., 2023